

Глава 1

Сквозь метель

*Сен-Прим, деревня на берегу озера
Сен-Жан, пятница, 4 января 1929 года*

На тропе бушевал ледяной ветер. Его порывы с пугающей силой вздымали свежевывающий снег, который, зависая в воздухе, принимал странные, эфемерные очертания, наводившие на мысль о порожденных зимой фантастических существах, — чтобы тут же рассыпаться по капризу неистовствующей вьюги.

— Торьё!¹ Надо же было разыграться такой метели! — вскричал Жозюэ Одноглазый. — Вы уж меня, дамочка, простите!

Жасент с трудом различала звук его хриплого голоса; слов было не разобрать. Закутавшись в толстое шерстяное одеяло, она сидела в санях этого колоритного мужчины и думала только о том, как уберечься от холода. «У меня не было выбора!» — твердила она про себя.

Лицо молодая медсестра закрыла шарфом до самых глаз, а шапочку надвинула на брови. Сейчас эти бирюзовые глаза с ужасом смотрели на белую пустыню, которая, казалось, вот-вот поглотит путников. Как бы молодая женщина себя ни уговаривала, ей казалось, что завывает и ворчит не метель, а стая вышедших на охоту волков.

«Да когда же мы наконец приедем?» Этот вопрос не давал Жасент покоя. Собаки тянули упряжку вот уже два часа, но развить полную скорость им мешали выпавший накануне

---

¹ Популярное ругательство в квебекском французском. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

обильный снег и сильный ветер. Жасент Дебьен, в девичестве Клутье, родилась и выросла в этих краях, а потому знала, сколько опасностей угрожает им с Одноглазым.

Была середина зимы, и дни стали немного длиннее, но все же до наступления ночи оставалось совсем мало времени. Неожиданно разозлившись, миловидная «медсестричка», как прозвали ее жители Сен-Прима, встала на колени и повернулась, чтобы ухватиться за спинку саней. Оказавшись лицом к лицу с человеком, втянувшим ее в эту пренеприятнейшую историю, Жасент, собравшись с силами, крикнула:

— Вы мне солгали! Я никак не успею вернуться домой до наступления ночи!

Он с трудом расслышал ее слова и пожал плечами. Молодая женщина всмотрелась в выразительное лицо этого загадочного человека. Жозюэ лукаво прищурил единственный глаз. Его седая борода покрылась инеем, как и мех на капюшоне. Мужчина не удостоил молодую медсестру ответом, лишь насмешливо улыбнулся, приоткрыв несколько уцелевших зубов, желтых от табака. И повелительно взмахнул левой рукой, приказывая ей сесть на место.

С трудом сдерживая слезы, Жасент вынуждена была подчиниться. Спасаясь от обморожения, она с головой нырнула под одеяло и, совладав со страхом, стала шевелить пальцами на руках и ногах. От холода не спасали даже кожаные рукавицы с шерстяной подкладкой и пара крепких сапожек, подбитых овчиной.

«Только без паники! Я должна сохранять спокойствие и довериться Господу, — мысленно уговаривала себя Жасент. — Жозюэ Одноглазый — человек сильный и отважный. Благодаря ему я смогла привезти Анатали домой к Рождеству. Кто-то из его друзей поранился, так что у меня не было выхода. Я исполняю свой долг медсестры, вот только... Я не думала, что здесь, в Сен-Приме, у меня будет столько забот».

Молодая женщина проглотила слезы, и на губах у нее появилась ироническая усмешка. Насколько проще было работать в больнице, в окружении знающих докторов, когда на помощь

тебе всегда готовы прийти усердные монахини и коллеги-медсестры! После обучения в Монреале и годичной практики в больнице Отель-Дьё-Сен-Мишель в Робервале она и представить себе не могла, что ради визита к больному, не способному передвигаться самостоятельно, ей придется преодолевать большие расстояния по заснеженным полям и лесам.

«Мэр уверяет, что со дня на день должен приехать новый доктор, который сменит наконец престарелого мсье Фортена. Но его, увы, всё нет и нет!» — думала женщина.

Чтобы хоть немного успокоиться, Жасент стала перебирать в памяти наиболее приятные моменты своей повседневной жизни. В сентябре прошлого года она вышла замуж за Пьера Дебьена, свою первую любовь, и была с ним очень счастлива. Они оба ценили простые радости жизни, такие как ужин под убаюкивающее ворчание чугунной печки и привычные домашние хлопоты, без которых не обходится ни одна семья; зато, управившись, так приятно, обнимаясь и сгорая от нетерпения, подняться в спальню, чтобы насладиться друг другом на льняных простынях, под подаренными Сидони стегаными одеялами...

— Анафема! — закричал Одноглазый таким раскатистым голосом, что его пассажирка вздрогнула. — Вот она, эта чертова зверюга! Мадам, подайте мне мое ружье, быстрее!

В этот момент вожак упряжки отпрыгнул в сторону и сани сильно занесло.

— Дайте же ружье! Да поосторожнее, оно заряжено!

Молодая женщина выбралась из-под одеял. Поглядывая по сторонам, она вынула из брезентового чехла оружие и протянула его Жюзюэ, не отрывая при этом взгляда от тощего волка, бегущего неровными скачками рядом с упряжкой в шесть собак. Все вокруг казалось пугающе нереальным: висела густая снежная пелена, временами нарушаемая порывами норд-оста.

— Что происходит? — крикнула Жасент.

— Этот волк — бешеный! — прицеливаясь, рявкнул в ответ Одноглазый.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и всё тут! Торьё, а ведь мы почти на месте! Пригнитесь пониже, я буду стрелять!

Мрачно громыхнул выстрел. Замерев от ужаса, Жасент не сводила глаз со стремительно мчащегося дикого зверя. Осознав, что Одноглазый промахнулся, она перекрестилась.

«Боже милосердный! Только не бешенство, только не этот ужас!»¹ Страшная болезнь унесла немало жизней охотников и трапперов². Чтобы заразиться, достаточно было одного укуса. Бешенство поражало енотов, лис и волков, а те передавали инфекцию другой лесной дичи и домашнему скоту.

Одноглазый пальнул еще дважды. Треск выстрелов заглушили лай и рычание собак; напуганные близостью хищника, они понеслись еще быстрее. Вскоре упряжка резко свернула к темной постройке, окруженной молодыми елочками. Жасент пронзительно взвизгнула, когда сани задели сугроб и перевернулись набок. Удержаться не удалось, и ее с силой отбросило назад. Оглушенная ударом, женщина, раскинув руки, осталась лежать на промерзшей земле. Но, даже находясь в полуобморочном состоянии, она сумела различить характерный запах костра, в холодном воздухе казавшийся особенно отчетливым. «Бог мой, наверное, сюда-то мы и ехали! Скоро я буду в тепле и безопасности!»

Надежда оказаться под кровом, рядом с пылающим очагом, навела Жасент на мысль о Пьере. Лежа с закрытыми глазами, женщина представила, как муж склоняется над ней и на его красивых губах появляется ласковая улыбка. В следующее мгновение ее встряхнула чья-то сильная рука — резко, без намека на супружескую нежность.

— Медсестра Дебьен! Вас не оглушило? Еще одно несчастье на мою голову!

Жалуясь на судьбу, Жозюэ Одноглазый бросил ружье на землю и принялся поднимать молодую женщину, чья непо-

¹ Начиная с 1924 г. в Канаде от бешенства умерли 24 человека, 12 из них — в провинции Квебек. (*Прим. авт.*)

² Охотник на пушных зверей в Северной Америке. (*Прим. ред.*)

движность его встревожила. Жасент моментально пришла в себя. Горя гневом и возмущением, она оттолкнула траппера, поднялась на ноги и осмотрелась. Всё тот же холодный, тонущий в снежной дымке пейзаж окружал их со всех сторон, словно клетка.

— Вы застрелили больного волка? — грозно спросила она, глядя на охотника в упор.

— Ну да, застрелил, а вы что думали? Целиться я не научился. А вы, дамочка, меня напугали. Идемте, познакомлю вас с моим приятелем Фильбером. А потом вернусь и соберу нашу поклажу! — сказал мужчина, указывая на вещи, лежащие на снегу в нескольких шагах от них. — Еще надо запереть собак да осмотреть моего старичка Дана, вожака упряжки. Может, волк успел его цапнуть. Анафема!

— Перестаньте ругаться, мсье Жозюэ. И давайте поспешим! Я замерзла.

Мужчина горделиво выпятил грудь под толстой курткой из черной медвежьей кожи: приятно, когда такая красивая женщина называет тебя «мсье».

— Это поправимо, — отвечал он. — До сарайчика осталось не больше пятидесяти шагов. Да и ветер, кажется, утихает.

Жасент решила не спешить с упреками и жалобами, пока они с Одноглазым не войдут в обещанный сарай, на поверку оказавшийся нагромождением ржавых листов железа и досок, которые, судя по виду, не рассыпались только благодаря большому количеству дров, сложенных тут же в поленницу. Молодая женщина остановилась на пороге и вздохнула с облегчением — ни холод, ни ветер ее уже не достанут.

— Проходите, медсестра Дебьен! Там, в глубине, есть маленькая дверка. Нам не придется снова окунаться в метель, чтобы войти в дом к бедняге Фильберу! — сказал Одноглазый.

— Минутку, мсье! — воскликнула Жасент. — Мне нужно кое-что вам сказать, и, из уважения к моему будущему пациенту, я сделаю это здесь. Вы поступили дурно и всерьез меня